

крайностяхъ и никогда не попадаетъ въ центръ идеи. Я съ трудомъ и болью разстаюсь съ старою идеею, отрицаю ее до-нельзя, а въ новую перехожу со всеѣмъ фанатизмомъ прозелита. Итакъ, я теперь въ новой крайности,—это идея *соціализма*, которая стала для меня идеею идей, бытіемъ бытія, вопросомъ вопросовъ, альфой и омегой вѣры и знанія... Все изъ нея, для нея и къ ней. Она вопросъ и рѣшеніе вопроса. Она (для меня) поглотила и исторію, и религію, и философію. И потому ею я объясняю теперь жизнь мою, твою и всѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался я на пути жизни“...

„Видишь ли: мы дружились, ссорились, мирились, опять ссорились и снова мирились, враждовали, между собою, неистово любили одного другого, жили, влюблялись,—по теоріи, по книгѣ, непосредственно и сознательно. Вотъ, по моему мнѣнію, ложная сторона нашей жизни и нашихъ отношеній. Но должны ли мы винить себя въ этомъ? И мы винули себя, клялись, проклинали, а лучше не было, нѣтъ и не будетъ.“

„...Любима (и разумная) мечта наша постоянно была—возвести до дѣйствительности всю нашу жизнь и наши взаимныя отношенія, и что же? мечта была мечтой и останется ею; мы были призраками и умремъ призраками, но мы не виноваты въ этомъ и намъ не въ чемъ винить себя. Дѣйствительность возникаетъ на почвѣ, а почва всякой дѣйствительности—общество... Общество живетъ извѣстной суммой извѣстныхъ убѣжденій, въ которыхъ всѣ его члены сливаются воедино, какъ лучи солнца въ фокусъ зажигательнаго стекла, понимая другъ друга, не говоря ни слова. Вотъ почему во Франціи, Англіи, Германіи люди, никогда не видѣвшіе другъ друга, чуждые другъ другу могутъ сознавать свое родство, обниматься и плакать—одни на площади въ минуту возстанія противъ деспотизма за права человѣчества, другіе хотя въ вопросѣ о хлѣбѣ, третьи при открытіи памятника Шиллеру. Безъ цѣли нѣтъ дѣятельности, безъ интересовъ нѣтъ цѣли, а безъ дѣятельности нѣтъ жизни. Источникъ интересовъ, цѣлей и дѣятельности—субстанція общественнои жизни. Общее безъ особеннаго индивидуальнаго дѣйствительно только въ чистомъ мышленіи, а въ живой, видимой дѣйствительности оно—...мертвая мечта. Человѣкъ—великое слово, великое дѣло, но тогда, когда онъ французъ, нѣмецъ, англичанинъ, русскій. А русскіе ли мы?... Нѣтъ, общество смотритъ на насъ, какъ на болѣзненные наросты на своемъ тѣлѣ; и мы на общество смотримъ какъ на... 1) Общество право, мы еще правѣе“...

„Ясно ли, логически ли, вѣрно ли? Мы люди безъ отечества—нѣтъ, хуже, чѣмъ безъ отечества: мы люди, которыхъ отечество—призракъ, и диво ли, что сами мы—призраки, что наша дружба, наша любовь, наши стремленія, наша дѣятельность—призракъ?“

„Боткинъ, ты любилъ—и твоя любовь кончилась ничѣмъ. Это исторія и моей любви. Станкевичъ былъ выше по натурѣ обоихъ насъ,—и та же исторія. Нѣтъ, не любить намъ и не быть намъ супругами и отцами семействъ. Вѣтъ люди, которыхъ жизнь не можетъ проявиться ни въ какую форму, потому что лишена всякаго содержанія: мы же люди, для необъятнаго содержанія жизни которыхъ ни у общества, ни у времени нѣтъ готовыхъ формъ. Я встрѣчалъ и виѣ нашего кружка людей прекрасныхъ, которые дѣйствительно насъ, но нигдѣ не встрѣчалъ людей съ такою ненасытимою жаж-

дою, съ такими огромными требованіями на жизнь, съ такою способностью самоотреченія въ пользу идеи, какъ мы. Вотъ отчего *все къ намъ льнется*, все подлѣ насъ *измѣняется*“.

„Форма безъ содержанія—пошлость, часто довольно благовидная; содержаніе безъ формы—уродливое, часто поражающая трагическимъ величіемъ, какъ миеологія древне-германскаго міра. Но эта уродливость—какъ бы ни была она величественна,—она—содержаніе безъ формы, слѣдъ, не дѣйствительность, а призрачность“.

„Видишь ли, въ чемъ дѣло, душа моя: непосредственно поняли мы, что въ жизни для насъ нѣтъ жизни 1), а такъ какъ, по своимъ натурамъ, безъ жизни мы не могли жить, то и ударили со всѣхъ ногъ въ книгу, и по книгѣ стали жить и любить, изъ жизни и любви сдѣлали для себя занятіе, работу, трудъ и заботу; Между тѣмъ, наши натуры всегда были выше нашего сознанія, и потому намъ слушать другъ отъ друга одно и то же становилось и скучно, и пошло, и мы другъ другу смертельно надоедали. Скука переходила въ досаду, досада во враждебность, враждебность въ раздоръ“...

„Ища исхода, мы съ жадностью бросились въ обаятельную сферу германской созерцательности и думали, мимо окружающей насъ дѣйствительности, создать себѣ очаровательный, полный тепла и свѣта, міръ внутренней жизни. Мы не понимали, что эта внутренняя, созерцательная субъективность составляетъ объективный интересъ германской національности, есть для нѣмцевъ то же, что социальность для французовъ. Дѣйствительность разбудила насъ, и открыла намъ глаза, но для чего... Лучше бы закрыла она намъ ихъ навсегда, чтобы тревожныя стремленія жаднаго жизни сердца утолить сномъ ничтожества...“

Но третій ключъ—холодный ключъ забвенья—
Онъ слаще всѣхъ жаръ сердце утѣлитъ...“

„Соціальность... вотъ девизъ мой. Что мнѣ въ томъ, что живетъ общее, когда страдаетъ личность? Что мнѣ въ томъ, что гений на землѣ живетъ въ небѣ, когда толпа валяется въ грязи? Что мнѣ въ томъ, что я принимаю идею, что мнѣ открыть міръ идеи въ искусствѣ, въ религіи, въ исторіи, когда я не могу этимъ дѣлаться со всѣми, кто долженъ быть моими братьями по человѣчеству, моими близкими во Христѣ, но кто—мнѣ чужіе и враги по своему невѣжеству? Что мнѣ въ томъ, что для избранныхъ есть блаженство, когда большая часть и не подозреваетъ его возможностей? Прочь же отъ меня блаженство, если оно—достояніе мнѣ одному изъ тысячъ! Не хочу я его, если оно у меня не общее съ меньшими братіями моими! Сердце мое обливадается кровью и судорожно содрогается при взглядѣ на толпу и ея представителей. Горе, тяжелое горе овладѣваетъ мною при видѣ и босоногихъ мальчишекъ, играющихъ на улицѣ въ бабки, и оборванныхъ нищихъ, и пьянаго извозчика, и идущаго съ развода солдата, и бѣгущаго съ портфелемъ подъ мышкою чиновника, и довольнаго собою офицера, и гордаго вельможи. Подавши грошъ солдату, я чуть не плачу, подавши грошъ нищей, я бѣгу отъ нея, какъ будто сдѣлавши худое дѣло, и какъ будто не желая услышать шелеста собственныхъ шаговъ своихъ. И эта жизнь: сидѣть на улицахъ въ лохмотьяхъ, съ идиотскими выраженіемъ на лицѣ, набирать днемъ нѣсколько грошей, а вечеромъ пропить ихъ въ кабакъ—

1) Опуекаемъ рѣзкія обличительныя выраженія.

1) Т. е., что въ жизни обыденной для нихъ нѣтъ идеальнаго интереса.